За миг до осознания, где я нахожусь, паника снова овладевает мной. Интересно, долго ли я буду просыпаться с ожиданием, что вокруг меня мой настоящий мир. Занятно было б узнать, хорошо такое желание для моего здравого смысла или плохо?

Гарри уже нет в кровати, а Рон всё ещё пилит дрова… неисправной цепной пилой типа “Дружба”. Остальные, скорее всего, спокойно спят — давно привыкли. Я волнуюсь, поэтому уже не в силах лежать, быстро встаю и иду принимать душ. Выйдя оттуда, я нахожу проснувшегося и уже одевающегося Рона, поэтому в общую гостиную мы спускаемся вместе. Где и обнаруживаем тихонько болтающих Гарри с Гермионой.

— Летать после завтрака будем? — спрашивает Гарри, завидев нас.

— Конечно! — возбуждаясь, восклицает Рон, вся его сонливость как рукой смывается перспективой сесть на метлу.

— Лучше бы ты каждый день воображал себе, что собираешься летать. И будешь как огурчик, — говорит ему Гермиона.

— Но ведь каждый день летать не получится, — недоумевает Рон.

— Поэтому я и сказала — вообрази, — Гермиона явно старается убрать из голоса снисходительные интонации.

— Вы точно не хотите с нами пойти? — всё ещё надеется Гарри, переводя взгляд с меня на свою кудрявую подругу.

— Правда, — говорит Гермиона. А я улыбаюсь и слегка подмигиваю.

— Ах, да, — ухмыляется Гарри. — У вас в расписании занятия по обжиманию.

Гермиона с нарочитой сердитостью смотрит на Гарри.

— Ты опять за старое?

— Эй, я думал сделать это эвфемизмом для учёбы, — вступаюсь. — Так ты сможешь в следующий раз, когда твои соседки по комнате спросят тебя, где ты была, с чистой совестью сказать “О-ля-ля, как обычно, обжималась в библиотеке”.

Гермиона, в отличие от меня, не находит в этом предложении ничего смешного и выпячивает нижнюю губу, скорчив гримаску преувеличенного недовольства.

— Зачем говорить об учёбе эвфемизмами?

Мы с Гарри рассмеялись от её слов, а меня так и подмывает продлить шутку.

— Хм, как-то не особо тщательно я всё продумал. Например, что будем делать, когда Гарри и Рон пойдут обжиматься вместе с нами.

— Да уж, от твоих идей у меня совершенно пропал аппетит, — говорит она.

— У меня тоже, — присоединяется к ней Гарри.

— Почему? Мы же просто говорим об учёбе, — это Рон.

— Как будто ты вообще можешь потерять аппетит, — закатывает глаза Гермиона.

— Спокойно, народ, без паники. Рон просто ценит хороший эвфемизм. Например: “пачкая ставни” или “макая в благое желанье”.

— Век бы такого не слышала, — вздрагивает Гермиона.

— Я их только что на ходу придумал, — ухмыляюсь. — Просто хотелось узнать насколько извращённые у вас мозги.

— Ну ты и мазохист, — констатирует Гарри, пока я потираю плечо, которое посмело оказаться в радиусе шлепка Гермионы, с каждым разом всё более сильного.

— Значит полетаем, потом обжима... э, учимся? — спрашивает Рон.

— Нормальный план, я считаю, — говорю.

— В конце концов, в этот раз будет кто-то неподалёку, когда ты попытаешься “нырнуть в благое желание”, — это Гермиона безуспешно пытается пришпилить меня к стене пронзительным взглядом. Правда её выдаёт легко читающаяся насмешка в глазах и ещё более очевидный изгиб губ.

— Не знаю, если мы оба будем здесь, ты можешь “попачкать ставни”.

— Возможно она и способна на такое, но только пока не надует пластикового пингвина, — добавляет Гарри.

— Это отвратительно, Гарри, — стыжу я его.

— Я чёт ничё не понимаю — об чём базар? — говорит Рон.

* * *

— Привет, Уильям, — здоровается Луна, когда мы дошли до коридора седьмого этажа. — Вижу, ты привёл друга.

Я невольно расплываюсь в улыбке от звуков ее мелодичного, как и всегда, голоса.

— О да, мне не хотелось единолично присвоить эти восхитительные утренние виды, если бы тебя тут не было. Я искал тебя здесь вчера на закате.

— Жаль, что я это пропустила, — улыбается она в ответ.

Гермиона смотрит на меня с нечитаемым выражением лица, потом поворачивается к Луне.

— Кстати, я Гермиона, Гермиона Грейнджер.

— М-м-м-м, — тихонечко мурлыкает Луна.

Плавно прижимаю палец к губам, потом указываю за окно. Гермиона поначалу недоумевает, но уступает мне и переключается на вид за окном.

Тишина обволакивает нас, и я опять теряю себя, погружаясь в созерцание красот кучевых облаков, лениво ползущих к горизонту. Пушистые белые барашки по очереди наползают на солнце, и тогда становится видно марево золотых лучей, в которых купается пейзаж. Я жду, когда следующий актёр, плывущий в том же направлении, даст возможность ещё раз насладиться этой сценой.

Я ощущаю легкое прикосновение к плечу, и после того, как самое последнее облако-захватчик освобождает своего пленника, скосив взгляд, вижу, что на плече у меня лежит рука Гермионы. Она тоже созерцает это представление. Ощутив моё движение, она встречается со мной взглядом, который я всё ещё не могу прочитать. Потом она переводит взгляд на Луну.

— Спасибо, что поделились со мной этим зрелищем, — мягко говорит Гермиона.

— Всегда пожалуйста, — отвечает другая девушка. — Мало кому интересно просто смотреть.

— Уму непостижимо — ну почему? Вид неописуемо прекрасен.

Луна мурлыкает в знак согласия, и мы ненадолго возвращаемся к созерцанию неба. Но что-то в нас изменилось, и настроение момента уже ушло.

— Рада, что ты привёл её, Уильям. Она мне нравится.

— Мне она тоже нравится.

Гермиона понимает и приветливо улыбается.

— Как тебя зовут?

— Моё имя Луна.

— Рада встрече с тобой, Луна, — похоже, Гермиона собирается протянуть руку, но не уверена, что именно так надо вести себя с необычной равенкловкой.

Луна поворачивается и встречается с ней взглядом.

— Аналогично. До свидания, Уильям, Гермиона.

— До встречи, Луна.

Вместе с непривычно молчаливой Гермионой мы спокойно прогуливаемся до закутка, где скрыт вход в выручай-комнату. Оглядываясь, видим, что Луна ушла. Удивительно, но Гермиона и тут ничего не комментирует, будто этого и ожидала.

— Можно мне? — тихо просит она, как будто стараясь не испортить момент словами.

Улыбаюсь и поощряюще киваю.

Шуршит и стонет стена, создавая дверь, за которой нас ждёт потрясающая библиотека, заполненная до отказа плотно стоящими книжными стеллажами. Одна только небольшая гостиная с камином свободна от них. Своими глазами я этого еще не видел, но не удивлюсь, если это собрание книг превосходит главную библиотеку Хогвартса.

— Впечатляет. Даже очень.

— Я рада, что тебе понравилось. Как там? Уильям, да?

Я тихо хмыкаю, направляясь к ближайшей полке, где начинаю внимательно изучать содержимое.

— Она спросила меня про имя Бад — “это что, сокращение?” И я сказал “Уильям”. Знаешь, Бад — это нормальное имя там, в Штатах. Но здесь оно звучит как-то неуклюже.

— Хочешь, чтобы я тебя так называла?

Я стараюсь не вздрогнуть. Почему-то я думал, что это будет фишка только между мной и Луной.

— Не знаю. Попробуй.

— Ладно. Уильям, как тебе?

— Хм… Приятно, — это и вправду так.

— Мне тоже, — признаёт она. — Это не будет сбивать с толку?

— Нет, потому что для меня “Бад” все равно звучит тут слишком уж ненатурально, — не упоминая того, что оба имени всё равно не мои, поэтому сбивать будет не больше, чем предыдущее. — Здесь есть другие Уильямы?

— Есть старший брат Рона, но все зовут его просто Билл. Не могу вспомнить больше никого в Хогвартсе. Хотя, может быть, кто-то с другого курса.

Я напеваю без слов, просматривая заглавия. Похоже, это отдел истории, и, как мне показалось, среди всех остальных названий есть несколько магловских.

А вот Гермиону что-то беспокоит.

— Как ты это сделал?

— Что сделал?

— Луна. Она… все зовут её Полоумная Лавгуд и говорят, что она постоянно делает странные вещи. Но ты… ты точно знаешь, как с ней общаться. Смотришь в окно, наслаждаешься видом. Пока мы были там, это совсем не казалось странным. Как будто ты мне сказал, что мы собираемся делать буквально мгновением раньше. Я даже наслаждалась. Я имею в виду… мне

очень понравилось. А я ведь совсем не собиралась делать что-то подобное.

— Хм… Она отличается от большинства, но не в худшую сторону, — делаю паузу, обдумывая, но потом отрицательно кручу головой. — У меня нет объяснений.

— И у меня. В то же время я в точности понимаю, что ты имел в виду. Как тогда, когда ты сказал, что я тебе н-нравлюсь. Видишь? Здесь и сейчас мне неловко так говорить, но когда мы были там, — значение слов было иным. Вот! Гляди! Как будто рядом с ней нам явился свет чистой истины между слов и вместо них. А ведь часто для истины слова не нужны и даже вредны, вот мы все вместе и молчали там.

— Истина. Да, это хорошее объяснение, и очень близкое к моим собственным ощущениям.

— А ты ещё… возьмёшь меня с собой туда?

— Ты ей понравилась. Не думаю, что она будет возражать, если ты придёшь без меня.

— Наверное, ты прав, — вздыхает она с облегчением.

— Конечно, прав, я тоже наслаждаюсь этим. Жаль, что придётся пропускать, когда у нас урок сразу после завтрака, и мы никак не успеем сюда.

— Сама себе не верю, но я согласна.

Усмехаюсь — я тоже ушам своим не верю.

— Ладно, чем займёмся сначала?

Она сразу переключается на деловой тон.

— Я намечала обзор предметов по алфавиту. А поскольку арифмантику и древние руны мы учили только год, то и на их просмотр потребуется меньше времени. А Гарри с Роном ничего не пропустят — они их не изучают.

— Замечательно. Одобряю.

— Еще мне очень интересны возможности комнаты по подбору книг, поэтому после обзора прошлого года и предварительного просмотра материала следующего года, хотелось бы полчаса посмотреть что-то продвинутое по каждому предмету.

Улыбаюсь, слыша задорные нотки в голосе Гермионы. Почему-то мне кажется, не часто ей

удаётся говорить подобным тоном в присутствии Гарри и Рона.

— Прекрасно. Ищем отдел рун?

Она без промедления ведет меня к полкам в одном из углов комнаты. Это только Гермиона может вообразить битком набитую библиотеку и знать — что и где в ней лежит. Она нагружает меня стопкой книг, а по дороге обратно в наш “читальный зал” пролистывает одну из них.

— У тебя был предмет, наподобие древних рун, в твоей старой школе?

Отрицательно качаю головой.

— Нас с ним знакомили, но в действительности он начинался только с первого из четырёх старших курсов — это как здесь четвёртый. — Эй, это, возможно, звучит слишком уж убедительно! — На самом деле все наши факультативы такие. Проще всего смотреть на меня, как на чистый лист..

Она слегка хмурится, но кивает.

— Хорошо. Нас познакомили с протогерманскими рунами и их староанглийскими эквивалентами. Пока мы изучали только возможные значения и базовые словосочетания языка, в этом году продолжим заниматься всё тем же. Например, эваз — руна скорости. Но буквально обозначает лошадь, а лошади также могут быть выражением интеллекта, силы, света, разрушения или победы. Зависит от способа и места применения. К сожалению, мы не занимаемся защитой или руническими заклинаниями до сдачи СОВ, хотя в следующем году уже будут упоминать об их употреблении. Тогда мы хотя бы сможем распознать их, если встретим. В каникулы я сложила всё, что мы изучили, и составила карту быстрого знакомства с возможными значениями, перекрестными ссылками с моими конспектами и учебниками за третий и четвёртый курсы. — Она вытаскивает откуда-то огромный свиток пергамента и расстилает его на столе.

Не замечаю, как моя челюсть уезжает вниз, где и болтается, потешая девушку и позволяя слюне свободно литься на пол до тех пор, пока я не приду в себя.

— Потрясающе! Честное слово! Может мне стоит и этот год пропустить и просто дождаться улучшенной версии карты быстрого знакомства? — Уклоняюсь от шлепка. — Да шучу я, шучу. Просто у меня нет слов, серьёзно нет, чтобы выразить моё ощущение — насколько фантастична и потрясающа эта работа. — Придавливаю уголки карты со своей стороны сотворёнными комнатой учебниками. Гермиона делает то же самое со своей стороны.

Довольно долго я внимательно изучаю карту.

— Гермиона, можешь ссудить меня пишущими принадлежностями?

Со странным взглядом она кивает и молча протягивает мне перо, чернильницу и небольшую пачку пергаментных листов.

— Спасибо, — говорю, глядя на перо и чернила. О, боже. Мне, наверное, стоило попробовать пораньше.

Она немного ёрзает, но потом всё же спрашивает:

— Что-то не так?

— Нет, нет. Всё так, как и ожидалось. Просто мы пользовались маггловскими карандашами, ручками и тетрадями. — Технически — абсолютно правдивое утверждение.

— Знаешь, мне никогда не приходило в голову, но так действительно логичней. Даже просто из-за их дешевизны по сравнению с магическими аналогами. Слушай, а может пергамент проще заговорить, чем сделанную из древесной жижи бумагу?

— Кто знает. Палочки вроде делаются из обыкновенных деревьев?

— Я не слишком сведуща в их изготовлении, но, похоже, это так. Моя палочка из виноградной лозы, у Гарри — из остролиста, у Рона — ивовая. Правда не знаю, должно ли дерево подвергаться воздействию магии или соблюдаться какие-нибудь необычные условия?

— Хм-м-м, ну вот вполне себе идея на время после выпуска — познакомить магический мир с целлюлозной бумагой, сбить цены на пергамент, заработать кучу денег. Хотя, наверное, есть что-то, удерживающее магический мир от её принятия. Наверняка кто-нибудь до нас уже ломал себе этими вот вопросами мозги.

Но у Гермионы всё ещё потрясённое выражение лица.

— А вот я не уверена. Подразумеваю, как быстро я приняла, что чернильницы, перья и пергамент — правильный способ писать в магическом мире. Возможно, ты напал на след чего-то важного, Уильям.

Мелодичное звучание моего нового имени из её уст заставляет меня расплываться в улыбке.

— Четверокурсникам вряд ли по силам обновить магический мир по собственным лекалам. Я только-только привыкаю здесь ко всему.

Я пока не могу добиться равномерной подачи чернил из пера, но приспосабливаюсь рисовать руны и делать записи без клякс. Списав необходимое, нахожу Гермиону увлечённой чтением принесённых ею продвинутых книг. Или, если быть точным, принёс их я — она только

выбирала.

— Можешь взглянуть на мои руны? Я попробовал на черновике, но не уверен, что начертил некоторые из них правильно.

— Конечно, дай мне посмотреть... Нижний хвост эйваз должен быть более выраженным, а то она смотрится слишком похоже на лагуз... — она замолкает, просматривая мои листы. — У тебя какой способ сортировки?

— На первом листе те руны, которые, как я думаю, используются в защитных барьерах и заклинаниях, и возможные руны поддержки. На втором листе другие руны, в назначении которых я не уверен.

— Но почему ты... Мне никогда не приходила в голову мысль о таком разделении.

Пожимаю плечами.

— У меня знания усваиваются куда лучше через практику. Как в нашем вчерашнем опыте варки зелья. Вот поэтому предсказания с маггловедением для меня неприемлемы. Во мне нет ни капли крови видящего, и для меня вообще не будет результатов от предсказаний. Ну а то, что обычная жизнь среди магглов даст больше, чем весь пятилетний курс маггловедения в Хогвартсе, ты, надеюсь, оспаривать не станешь.

Гермиона удивлённо смотрит на меня. Скорее всего, она учит то, что в книге просто потому, что это в книге. Как говорилось в одном фанфике: “Какой смысл в наличии факультета Равенкло, если самая равенкловская студентка учится в Гриффиндоре”. Конечно, в Гриффиндоре она тоже чертовски к месту.

Углубившись в мои записи, она наконец начинает улыбаться. А я просто радуюсь, что она в состоянии их прочитать.

— Кое-что из этого — великолепно. Ты не собираешься становиться разрушителем проклятий или кем-то похожим? Давай проверим книги по барьерам и рунным заклинаниям и выясним, насколько точны твои наблюдения.

— Как там у нас со временем?

Она проверяет по часам — у неё они получились гораздо симпатичнее моих вчерашних — и сжимает губы.

— В-общем, мы можем слегка отклониться, у нас ещё есть время до обеда. Мне хочется оценить по достоинству твои идеи.

— А сама ты как думаешь?

— Очень похоже на правду, но проверить стоит. Я же говорила, что вплоть до старших курсов мы не изучаем углубленно такие вещи. Это тебе… — протягивает она мне книгу из стопки, до которой она ещё не добралась, а сама берёт парочку из уже просмотренных.

Моя называется “Базовые схемы барьеров для защиты и безопасности вашего дома”. Что ж, оценим. В ней схемы: для сигнализации при вторжении, защиты внешних стен от слабой и отражённой магии, предохранения внутреннего убранства от всплесков случайной или детской магии наряду с похожей, но гораздо более сложной версией, предназначенной для укрепления тренировочного зала от поражающих эффектов магических дуэлей.

Неудивительно почти повсеместное присутствие эйваз наряду с ансуз, роль которой я верно определил как управляющую. Часто встречается одал, всё-таки речь идёт о защите дома. Я пропустил один момент — то, что более простые барьеры включают соулу для питания и только заметно более сложные используют турисаз. Хаотическая природа последней означает, что у этих барьерных схем гораздо меньше допустимая погрешность изготовления, даже при наличии уравновешивающей ингваз.

— Ух ты, и почему нас не учат подобному сразу? — звучит в тишине риторический вопрос Гермионы.

— Нашла что-то полезное?

— Да, похоже, ты был прав по поводу их использования. Поразительно, особенно если вспомнить, какие у меня были трудности с эйваз и эваз просто из-за одинаковости их звучания. Они используются абсолютно по-разному!

— Мне приятно, что смог помочь. Как у нас со временем?

Гермиона вздрагивает.

— Сейчас мы отстаём. Арифмантика тоже была у вас необязательным курсом, ведь так? — корчу кислую мину в качестве ответа. — Нам хватит времени на просмотр программ этого и прошлого года, но не больше.

— А там есть практическая часть?

— Хотелось бы, — теперь её очередь корчить рожицу.

— Давай так — начнём, к обеду оценим прогресс и, если нужно, продолжим после обеда.

— Но в таком темпе мы не закончим к завтрашнему вечеру! — её расстраивает нарушение тщательно запланированного графика.

— Что там с уроками? У нас они одинаковые, правильно? Давай просто сдвинем к концу обзор тех предметов, которые у нас будут позже на неделе.

Гермиона прикусывает нижнюю губу — надо запомнить, похоже, это признак неуверенности.

— Ой, прости, — извиняюсь я. — Не надо мне узурпировать твоё время. Тебе, наверное, надо…

— Н-нет, время ни при чём…

— Гермиона, вспомни об умении врать, особенно о твоём “умении”. На самом деле всё окей. Я выживу. Просто скажешь, когда тебе будет удобно заняться учёбой.

— В чём-то ты прав, — вздыхает она. — Гербология у нас в понедельник, поэтому давай займёмся ею после арифмантики, которая тоже будет в понедельник. После обеда у нас забота о магических существах, но Хагрид много на дом не задаёт, предпочитает практику на уроке, и много времени на неё не нужно. Этим всем мы можем заниматься и в обычной библиотеке, поэтому пока нет необходимости показывать эту комнату Гарри и Рону.

— Разве тебе не хочется?

— Нет, хочу, но… — она замолкает, потом отрицательно качает головой и вздыхает. — Глупости, забудь.

Реагирую поднятой бровью, но настаивать не решаюсь.

— Окей. Нам в любом случае сначала нужно прогнать обзор по арифмантике. Готовим место и берём другую стопку?

Кажется, она хочет ещё что-то сказать, но вместо этого просто встаёт и ведёт меня в отдел арифмантики.

Удивительно, но она говорит возвращаться, когда у нас только довольно тощая стопочка книг. Вряд ли это из-за желания ускорить работу и дать нам возможность закончить всё запланированное к сроку.

— О, пожалуйста, скажи мне, что у тебя есть наготове ещё одна шпаргалка-простыня.

— Это не шпаргалка-простыня, — окатывает она меня притворно сердитым взглядом.

— Для меня, — ухмыляюсь. — Я же пропустил целый год занятий.

Она достаёт “простыню”, но не даёт мне посмотреть.

— Короче, тебе надо знать, что я не терплю жульничества в учёбе. Может мне и не стоит показывать её тебе.

— Это… это жестоко! — надуваю губы.

Она совершенно по-злодейски усмехается.

— Окей, окей. Пусть будет “учебная простыня”?

— Уже лучше. Я допускаю, что тебе можно ознакомиться с этим продуктом моего труда.

— Спасибо, Гермиона, ты — моя спасительница.

— Ох, сикль за каждый раз, когда я это слышу, и…

— Уверен, что только с меня получится пара галлеонов в конце года.

— Там видно будет, — улыбается она, но тут же становится серьёзной, переключаясь в режим профессора. — Как бы там ни было, в прошлом году мы в основном сосредоточились на магических свойствах чисел, или нумерологии. Частично это основывается на исторических работах известных в прошлом арифмансеров, как, например, Бриджит Венлок. Она практически полностью формализовала эту область в своём трактате о числе семь. Все знают, что семерка — счастливое число. Но она была первой, кто описал почему именно так происходит. Хотя она упустила некоторые аспекты, открытые позднее. Наряду с простыми свойствами мы также изучали взаимодействие чисел.

— Наподобие того, как ты рассказывала про компоненты зелий?

Она удивляется прервавшей её реплике.

— Да, действительно, замечательная аналогия. Ты умеешь слушать.

— А что, не должен бы?

— Нет, ты… Просто я не привыкла. Ладно, продолжим. Одним из важнейших направлений является пересчёт дат из текущего маггловского календаря в магический Римский как раз для дальнейшего арифмантического использования. Он такой же, как его маггловский эквивалент,

в котором время измеряется от момента основания Рима, как тебе, надеюсь, известно, волшебниками в 753 году до нашей эры. Так что, с точки зрения нумерологии, сейчас 2746 год ab urbe condita (от основания города — лат.), или AUC. Чуточку мудрёно — нужно помнить про необходимость добавлять 752 к нашему году с учётом другой даты для нового года.

— Вроде не слишком сложно, — поднимаю бровь в удивлении.

— Для меня тоже, — пожимает плечами она, — но, по всей видимости, у других есть затруднения. Я не особо понимаю, как они будут справляться в этом году, когда нам придётся решать арифмантические уравнения. По сути, они аналогичны маггловским алгебраическим и геометрическим задачам с постепенным введением элементов высшей математики после СОВ.

— Звучит занятно. А чем оперируют эти уравнения?

— О, куча арифмантических уравнений для описания всего, я думаю. В этом и смысл. Это описательная наука: смотрим на существующее поведение магии, находим общее и подбираем к нему уравнение. А иногда на основе такого подхода удаётся открыть законы арифмантики, например “правило трёх”, которое маггловские сатанисты совершенно не поняли. В общем, как-то так.

— Хм, логика в этом есть, — машинально тереблю подбородок. — Я правильно понимаю, что арифмантическая геометрия важна при составлении собственных рунических схем?

Она хмыкает, помотав головой.

— Мне уже стоит прекращать удивляться от того, что ты сразу об этом подумал. Я повторяюсь, но сама я о таком не догадывалась, пока буквально час назад, просматривая защитные схемы, не наткнулась на арифмантические уравнения в паре ссылок. — Она показывает на неубранную стопку книг по рунам. Догадываюсь, что здесь и кроется ответ на моё удивление, почему мало книг принёс второй заход к полкам. — К сожалению, не похоже, что нас ждёт геометрический подход в этом году, а элементы тригонометрии, необходимые даже для простейших рунных схем, будут не раньше середины пятого курса.

— В книге по барьерам, которую ты мне дала, нет никаких уравнений. Больше похоже на инструкцию для пользователя. — Осматриваю её стопку и ощущаю соблазн проверить упомянутые ею ссылки, но со вздохом решаю воздержаться от этого. — Ладно, лучше позанимаюсь, если хочу проверить твои утверждения.

— Если что-то тебе покажется нелогичным или бессмысленным — обязательно обращайся, — кивает она на свои итоговые карты. — Кое-какие заключения там — мои собственные, но у тебя, как видно, талант или интуитивное понимание сути.

— Обязательно.

* * *

— Ты всё ещё жив, дружище? — говорит Рон с кривой ухмылкой на лице, когда мы заходим в Большой зал на обед.

— Как ни странно, я замечательно провёл время, — говорю и получаю награду в виде сверкнувшей улыбки Гермионы.

— Я тоже очень многое узнала сама, — Гермиона ловит удивлённые взгляды Гарри и Рона.

— Та-а-ак. Вы уверены, что говорите не об обжиманиях? — скалит зубы Гарри.

Смеюсь, и даже Гермиона не может удержать серьёзное выражение.

— Да, Гарри, уверена. Точно могу сказать одно — похоже, я встретила равного себе в рунах и арифмантике.

От неожиданности я едва не давлюсь куском, но, быстро придя в себя, отвечаю:

— Зато в терпении я тебе совсем не ровня.

— Не верьте ему, он — талант, — настаивает она и замечает странные взгляды Гарри и Рона. — Что я такого сказала?

— Ничего, — хором отвечают они.

— Давайте-давайте, выкладывайте.

— Гермиона. Тайны, — мягко напоминаю ей.

Она неодобрительно смотрит на парочку друзей, однако молча уступает.

— Тогда ладно. Ребята, вы готовы присоединиться к нам после обеда? У нас гербология и забота о магических тварях в понедельник, поэтому мы запланировали провести обзор по ним. Наверное, вы с Роном хотите самостоятельно то же самое сделать по предсказаниям, я правильно понимаю?

— Угх, правильно, — не моргнув глазом врёт Гарри. Они с Роном всё ещё разглядывают Гермиону со странным выражением. Я давлю смех, а Гермиона закрепляет успех дальше.

— Потом история магии во вторник утром, поэтому мы возможно слегка затронем и её. Мы с Уильямом уже закончили обзор древних рун и арифмантики. На завтра останутся чары, трансфигурация и ЗОТИ.

Глаза Рона стекленеют, а вот Гарри озадаченно спрашивает:

— А кто такой Уильям?

— А? Ну… Это настоящее имя Бада. Долго рассказывать.

— А вот я бы не отказался узнать, — хмыкает Гарри.

— Ох, — смущается Гермиона. — Хорошо…

— А почему тогда Гарри не называть Гарольдом? — спрашивает Рон.

— Потому что он — Гарри, Рон. Это полное, а не сокращённое имя.

— Откуда ты знаешь? — скрещивает руки на груди Рон.

— Гарри?

— Не знаю, — пожимает плечами Гарри. — Будет слишком странно, если вы меня начнёте так называть.

— Как ты можешь не… — Гермиона стремительно краснеет от смущения, поймав нарочито отрешённый взгляд Гарри. Она хлопает ресницами, глядя на меня, потом на Гарри. — Прости.

Гарри моргает, невольно копируя подругу.

— Всё в порядке.

Я понимаю их безмолвный разговор, наверное, даже лучше самой Гермионы. Гарри просто не знает — Гарольд его имя или нет. На самом деле я согласен со многими фанфиками, где Гарри узнаёт своё имя только в детском саду или как они тут его называют. Меняю объект обсуждения:

— Я осознал, что имя “Бад” звучит странно или даже нелепо, когда вы, ребята, его произносите. Наверняка оно было придумано звучать с американским акцентом.

— Тогда будем называть тебя Уильям, Билл, Уилл, Вилли? — спрашивает Гарри, скаля зубы на последнем слове. Рон, засранец, тоже выдаёт смешок.

— Ну что такое, Рон? — делает выговор Гермиона.

— Мне жаль, жаль, — говорит тот, без малейшей убедительности — плечи у него всё ещё дрожат. — У меня брата Билл зовут, поэтому я тебя так звать не смогу.

— Неважно. Гермиона уже выбрала — Уильям. Давайте так — избежим непоняток.

— Ну и ладно. Всё равно мужики редко друг друга по именам зовут, — говорит Рон.

Гермиона закатывает глаза.

— Как леталось? — перевожу разговор.

— Сказочно, — говорит Гарри одновременно с Роновым:

— Офигительно!

— Квиддич отменили, поэтому студенты с Гриффиндора, Равенкло и Хаффлпафа по очереди играли на половине поля, четыре на четыре. Три охотника и вратарь, до десяти голов, — объясняет Гарри.

— Мы так и остались непобеждёнными! — возбуждённо вскакивает Рон. — Было великолепно, видели бы вы нас. Я был вратарём, а играли Гарри, Кэти и Джинни. Надо было видеть физиономии Фреда и Джорджа, когда мы побили их с Анжелиной и Алисией. А они шестикурсники, и все из команды Гриффиндора. Говорю вам, у нас будет потрясная команда в следующем году. Джинни уже может дать фору Анжелине с Алисией, они с Кэти просто блестяще играют вместе.

— Рон поймал несколько потрясающих мячей, это надо было видеть, Гермиона, — ажиотаж Рона захватывает и Гарри. — Он был там лучшим вратарём, только Анжелина с Алисией сумели забить нам больше пяти мячей.

— Жуть как охота, чтобы в этом году был квиддич! Мы бы выиграли кубок без проблем, — выпячивает грудь Рон.

— Из Слизерина кто-нибудь играл? — спрашиваю.

— Иссессенно нет, они даже не пришли, — подтрунивает над змеями Рон. — Без сомнения прячутся в своих норах и подземельях.

— Ладно, успеем ещё полюбоваться на вашу великолепную игру, в следующий раз, — бросаю взгляд на Гермиону. — Вы всё так завлекательно описываете.

В уголке рта непривычно молчаливой Гермионы блуждает улыбка.

— Мистер Лернер. Зайдите в мой кабинет, пожалуйста, — говорит за моей спиной МакГоннагал. Гермиона даже подпрыгивает.

— Непременно, — отвечаю.

— Найдёшь нас в библиотеке, когда освободишься, — Гарри и Рон готовы застонать от слов Гермионы, но сдерживаются из-за присутствия профессора.

— Тогда до встречи.

Профессор МакГоннагал снова молчит, возглавив нашу быструю прогулку в собственный кабинет. У меня почти нет времени смотреть по сторонам, не говоря уж о подглядывании в двери, на лестницы внизу и прочее. Очень быстро она запихивает меня в свой кабинет — без применения рук, фокус ещё тот — и плотно прикрывает дверь.

— Мистер Лернер, я связалась с казначеями, как мы с вами договорились в прошлый раз. Но, к сожалению, они не смогли рассказать мне никаких подробностей кроме того факта, что не существует никаких иных фондов на ваше имя. Мне жаль. — И МакГоннагал садится за свой стол.

Киваю. Так и знал. Она поднимает бровь из-за отсутствия моей реакции.

— Есть и хорошие новости. Школа сохраняет и копит определенное количество учебных принадлежностей, частично выкупая или чаще получая их в дар от студентов-выпускников. Я удостоверилась, что у всех ваших профессоров отложен для вас дополнительный комплект учебников. Конечно, вам не разрешено делать в них собственные пометки, как вы могли бы в ваших личных экземплярах. У профессора Спраут имеются дополнительные гербологические материалы, а профессор Снейп уже отложил для вас запасной оловянный котёл и набор инструментов для подготовки ингредиентов. Всё это ранее использовалось, но, тем не менее, пригодно для работы без каких-либо ограничений. Теперь, насчёт письменных принадлежностей. Я приготовила для вас пакет из учительской доли снабжения, и вы можете обратиться ко мне за дополнительным комплектом по мере необходимости. Эта часть неограниченно покрывается из бюджета Хогвартса, поэтому не беспокойтесь об оплате.

Однако я прошу вас не разглашать данную информацию. Мы обеспечиваем некоторых студентов подобными пакетами, но их просят о том же. Даже если вы узнаете, что кто-то получает подобные “подарки”, не говорите о них с этим человеком. К сожалению, мы не можем обеспечить всех студентов.

Я попросту киваю ещё раз. Скорее всего Рон — один из таких учащихся, и любой подобный намёк не улучшит его настроения.

— И последнее. Касательно одежды. Я взяла на себя смелость заказать полный комплект мантий и нижнего белья у мадам Малкин наряду с зимней мантией и перчатками из “Подержанных Мантий”. Нет, позвольте мне закончить. — Она поднимает руку, останавливая мои возражения даже прежде, чем я успеваю их сформулировать. — Это не благотворительность и не подарок. Либо вы сами поговорите о необходимости ваших услуг с профессорами по вашему выбору, либо можете предоставить мне обеспечить вам эти возможности. У меня, как профессора трансфигурации и заместителя директора, имеется множество дел для вас, особенно если я ограничу отработки для нерадивых студентов исправительными мероприятиями. Если вы предпочтёте работу у другого профессора, то я доверяю вам по собственному усмотрению расплачиваться из ваших доходов, пока вы не возместите мне разницу. На это у вас будет целый год, но предполагаю, что вы захотите сделать это гораздо быстрее и получить карманные деньги для походов в Хогсмид, Рождества и других событий.

Намёк на Святочный бал, очевидно. Ладно, всё равно мне медведь не только на ухо наступил, но и ноги все отдавил ещё во младенчестве… В конце концов, я сейчас заполучил предельно уважительную причину для неучастия во всем этом.

— Спасибо, профессор. Я вам действительно глубоко благодарен. Обещаю возместить всё настолько быстро, насколько это вообще в моих силах.

— Хорошо. У меня есть работа вечером в среду после ужина. Надо подготовить класс для вашего первого занятия, если вы хотите получить дополнительные преимущества на старте.

— Я согласен.

— Отменно. Я ожидаю вас в семь часов вечера, мистер Лернер. А теперь, боюсь, мне придётся занять вас ещё ненадолго, а потом вы сможете присоединиться к вашим друзьям в библиотеке. Одна из ассистенток мадам Малкин уже здесь, чтобы снять с вас размеры для новых мантий. Из-за их цены и недостатка времени они не будут идеально подогнанными под фигуру, но подходящие стандартные мантии будут доставлены вам в комнату завтра вечером.

— Спасибо, профессор. Я вам и вправду глубоко признателен.

Я, конечно же, был ей благодарен — ведь она потратила сейчас свои собственные деньги. Но вся эта ситуация, естественно, не прибавляла мне самоуважения. Пускай она также купила Гарри абсолютно недешёвый “Нимбус 2000” три года назад, но ведь это же было для Гарри

Поттера. Может быть, тогда она просто жалела, что поддалась уговорам Дамблдора и согласилась оставить Гарри у его отвратительных родственников в Дурслькабане?

После снятия моих размеров симпатичной молодой ассистенткой мадам Малкин и короткого прощания с МакГоннагал я свободен и отправлен присоединиться к обзору гербологии. По дороге приходит мысль, что руны и арифмантика меня развлекают. А вот как насчёт гербологии с историей магии?

Я невольно замедляю темп.

http://tl.rulate.ru/book/53673/1359393